

УДК 72.01

DOI: 10.17673/Vestnik.2020.03.7

С. В. ЛАЩЕНКО

«ГОРОДСКАЯ ДЕРЕВНЯ» («URBAN VILLAGE») КАК ФОРМА ОБИТАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ

«URBAN VILLAGE» AS A FORM OF HABITATION
IN THE HISTORICAL CENTERS OF LARGE CITIES

В статье рассмотрена концепция «Urban village» («городской деревни»), представлены результаты её применения к анализу исторических центров крупных постсоветских городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Одессы и Тбилиси. Предпринята попытка развития данного концепта. Проанализированы признаки «городской деревни» и то, как менялись исторические центры этих городов с конца XIX в. до настоящего момента.

The article discusses the concept of "Urban village", it presents the results of its application to the analysis of historical centers of large post-Soviet cities: Moscow, St. Petersburg, Samara, Odessa and Tbilisi. An attempt has been made to develop this concept. The features of the "urban village" and changes of the historical centers of these cities from the late 19th century to 2020th are analyzed.

Ключевые слова: urban village, городская деревня, историческая среда, дворы, образ жизни, городское и деревенское

Keywords: urban village, historical environment, courtyards, lifestyle, urban and rural.

Исследовательские задачи

В статье рассмотрена концепция «Urban village» («городской деревни») и представлены результаты её применения к анализу исторических центров крупных постсоветских городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Одессы и Тбилиси, предпринята попытка развить концепт. Проанализированы признаки «городской деревни» в перечисленных городах и проведено сравнение, как менялись поселения с конца XIX в. по настоящее время. Это позволяет понять, как меняются «городские деревни» в исторических центрах и что способствует их существованию.

В исследовании применяются результаты полевой работы в исторических центрах Самары, Тбилиси, Москвы и Санкт-Петербурга в 2016-2020 гг.

Полевые материалы:

2020 – август-сентябрь, Самара;

2019 – июнь, Самара, ноябрь, Санкт-Петербург;

2017 – август, Тбилиси;

2016 – июнь, Самара.

Для анализа социальной структуры, горизонтальных связей, взаимодействий между жителями во дворах и на улицах старых городов, их образа жизни были проведены интервью с жителями Самары и анкетирование в составе исследовательской группы Института города Самары и Академии строительства и архитектуры (АСА СамГТУ) в 2016 г. Было взято 18 интервью. В опросе приняли участие около 80 человек 30-75 лет.

В Тбилиси и Самаре был использован метод включённого наблюдения. В тех же городах, а также в Санкт-Петербурге и Москве – метод невключённого наблюдения. Для изучения эволюции планировки и застройки исторических кварталов с XIX в. проводился пространственный анализ. Также в исследовании использованы антропологические работы о городских практиках, академические статьи, в которых применяется концепция «Urban village», литература по истории городов, воспоминания.

Паритет городских и деревенских территорий внутри городов

В современном мире бинарные представления о городском и деревенском стремительно распадаются. В черте многих городов Азии, Африки и Латинской Америки встречаются сложные мозаики из высотных зданий, соседствующих с группами сельских домов, обитатели которых держат домашний скот и занимаются сельским хозяйством. В таких условиях дихотомия городских и деревенских структур больше не работает. Они перемешались, усложнились и стали равноправными [1–3].

Разделение города на контрастные части (урбанизированный центр города и деревенские пригороды, или городскую периферию), как это делали представители «городской экологии» [4], тоже не может адекватно отобразить всю гетерогенность городского и деревенского.

Концепция «Urban village» («городская деревня»)

Один из способов более «непрерывного» описания городской реальности – концепция «Urban village» («городской деревни»), которая используется для анализа районов, где сосуществуют признаки городского и деревенского. Эту концепцию впервые применил американский социолог Герберт Ганс в 1962 г. в своей этнографической книге «The Urban Villagers» («Жители городской деревни»). Концепция возникла в результате анализа процессов миграции афроамериканцев, пуэрториканцев и мексиканцев в американские города в первой половине XX в. [5]. Ганс изучал итало-американские соседства в западной части Бостона, в районе Вест-Энд. «Городскими деревнями» называли немецкие, еврейские, польские и итальянские кварталы в американских городах. Ганс считал их формой культурной адаптации сообществ к «враждебной» среде города. К жителям «городской деревни» он относил часть рабочего класса и этнические сообщества, обитавшие в старых городских районах до субурбанизации.

Все эти группы были изолированы от города, но внутри обладали сильными социальными связями – родственными и дружескими. Ради их сохранения люди были готовы отказаться от переезда даже в более комфортные условия. Единственный приемлемый вариант – переезжать всем вместе. Ганс отмечал, что общение друг с другом у жителей в основном происходило в домах, в местных магазинчиках и барах, на среду района они особо не влияли. Джейн Джекобс [6] применяла понятие «Urban village» для описания ежедневных взаимодействий между соседями, владельцами магазинов и незнакомцами

в публичном пространстве, описывая частную и публичную жизнь старых районов Нью-Йорка как «уличный балет» и театр.

В последние десятилетия концепцию «Urban village» развивает профессор Городского университета Нью-Йорка Шарон Зукин, известная исследованиями исторических районов – Бруклина, Гарлема, Ист-Виллиджа и др. Она критикует [7] книгу Ганса за изучение соседств и этнических групп вне широкого политического, экономического и культурного контекста, отдельно от их иерархических отношений с другими районами города, и в своих работах [8] анализирует этот контекст и связи.

С 1980-х гг. концепция «Urban village» применяется не только для описания исторических центров, но для анализа пригородов и окраин городов, которые когда-то были настоящими деревнями, а затем присоединились к растущим городам. Так трактуется концепт во многих современных исследованиях, посвященных преимущественно городам Азии и Латинской Америки (Китай, Индия, Малайзия, Индонезия, Сингапур и др.) [9]. Такие территории имеют много общего с обычными деревнями: модель коллективного управления земельными ресурсами, не подчиняющаяся логике градостроительного планирования города, автономные комитеты жителей. Формально эти кварталы стали частью города, но полностью они в него не включены: их жители не получили полного доступа к городским благам.

«Городскими деревнями» называют и неформальные поселения с незаконно построенными трущобами и лачугами, в том числе сформированные сообществами мигрантов-скоттеров [10]. Эти этнически разнородные сообщества строят дома своими руками на «захваченных» территориях и живут на них поколениями, зачастую не имея юридических документов на собственность. При помощи концепции «Urban village» описывали и маленькие полусельские городки в Британии, спроектированные по концепции «Города-сада» Эбенизера Говарда [11].

В последние 30 лет среди городских планировщиков и теоретиков нового (левого) урбанизма популярно значение «городской деревни» как спланированного идеализированного сообщества, которое живёт в удобной и ориентированной на пешеходов среде с доступной инфраструктурой [11]. Яркий пример воплощения такой утопии – город Сисайд во Флориде. В России концепт «Urban village» практически не применяется. Есть лишь единичные работы с его интерпретацией в рамках нового урбанизма и предложением использовать эти принципы при строительстве новых городских посёлков.

Переосмысляя концепцию «Urban village»

В нашем исследовании концепция «Urban village» используется в значении «исторический центр города, имеющий признаки деревни» (именно так его использовал Ганс). Описание признаков «городской деревни» в постсоветских городах обогатит этот концепт.

Старые районы исследуемых городов имеют общие черты с территориями, которые изучал Ганс. Они находятся в исторических городских центрах и имеют старую застройку, в них проживают «коренные жители», образуются соседские сообщества и социальные связи, их пространственная морфология не имеет ярко выраженного образа деревни, как бывает в бывших сёлах, присоединённых к городу. Это кварталы с городской планировкой, застройкой и дворами. Жители других районов воспринимают их как исторические центры своих городов, а сами обитатели старых кварталов могут называть их «полу-городом, полу-деревней».

Такая среда не до конца урбанизирована, время в ней остановилось. История «городских деревень», практикуемый их резидентами образ жизни связывает нас с тем, как жили здесь предыдущие поколения, и показывает визуальные следы такой жизни. Пространство очень плотно пронизано историческими артефактами: они мешают ему стать «урбанизированным» и «современным». Но такое пространство нельзя назвать и «деревней». Оно представляет собой историческую городскую среду с характерной застройкой, формировавшейся на протяжении столетий, и часто – культурный центр города.

В этой среде сосуществуют городское и деревенское, историческое и современное. Такой симбиоз диктует образ жизни, который невозможно создать с нуля на новом месте, найти в деревне или в полностью урбанизированных районах. Он образуется постепенно и преемственно. «Городская деревня» – исторически заселенный центр города со старой застройкой, в котором есть дворовая жизнь и соседские сообщества.

Признаки «городской деревни»

В этой части статьи рассмотрим признаки «городской деревни» – каждый из них может быть «городским», «деревенским» либо одновременно тем и другим. Также мы проанализируем, как «городская деревня» менялась в разные периоды времени на примере исторических центров Одессы, Тбилиси, Самары, Москвы и Петербурга. В двух последних городах образ «городской деревни» утрачен, в остальных пока сохраняется и выражен довольно

ярко. Рассмотрим отличительные признаки «городской деревни».

– *Социальное разнообразие* (маркер городского) было характерно для исторических центров уже во второй половине XIX в., усилилось в советский период и сохранилось после него. В «городских деревнях» живут люди разных профессий, социального статуса и уровня доходов.

В дореволюционных городах можно выделить кварталы и улицы с дорогой застройкой, в которой жили более обеспеченные горожане (обычно в самом центре), и кварталы на периферии центра, где обитали жители беднее. Были распространены доходные дома, располагавшиеся в разных частях центра. Они могли образовывать отдельные дворы как в Петербурге, или располагаться на участке хозяина, где он жил со своей семьей [12]. Так возникало социальное разнообразие в рамках соседних улиц, кварталов и домовладений. Людей объединяли торговые лавки, мастерские, пекарни, трактиры, кабаки, расположенные на первых этажах, и публичные пространства – площади, рынки, парки, набережные. После революции, с появлением коммунальных квартир и притоком в города новых жителей, социальное разнообразие резко усилилось: в одном дворе могли оказаться представители интеллигенции, рабочие, чиновники.

– *Этническое разнообразие* (маркер городского) очень заметно в старых центрах Одессы и Тбилиси. Пространственная структура исторических дворов и проживание в них людей разных национальностей, религий и профессий, их взаимодействие создают уникальные культурные традиции и практики (например, появление «одесского языка», сочетающего слова, фразы и смысловые обороты из разных языков). Представители разных культур, обитая в одном пространстве, контактируют и подстраиваются друг под друга, перенимая свои собственные другим культурам практики [13]. Социальную ткань Одессы сильно изменил Холокост, а в последние полвека массовый отъезд евреев и приток в город новых жителей. К концу XX в. Одесса и Тбилиси стали этнически более однородными.

– *Соседские сообщества* (маркер деревенского) формируются в «городской деревне» за счет тесных соседских связей. В Одессе (в районе Молдаванки) они складывались на протяжении двух столетий (с начала XIX в.), сообщества Тбилиси имеют еще более длинную историю. Сейчас они продолжают существовать. В самарских и московских городских усадьбах до революции состав жителей и образ жизни подчинялись интересам одной семьи. Структура

двора была функционально и иерархически выстроена [14]. Слободы, заселённые по сословному принципу, и кварталы, где жили рабочие и мастеровые, обладали признаками соседских сообществ, например соседи могли собираться вечерами во дворе для отдыха. В советское время иерархия в городских усадьбах разрушилась – в дома переехали жители из деревень, под жильё приспособляли хозяйственные постройки и подвальные помещения. Слободы и рабочие кварталы тоже заполнились новыми жителями. Возникли более тесные дворовые сообщества.

Культура московских дворов была утрачена в конце XX в. из-за массовых переселений жителей из старых домов и районов в новые микрорайоны. Самарские дворовые сообщества ещё существуют, но угасают из-за многочисленных сносов в историческом центре. Петербургские дворы до революции имели лишь хозяйственную функцию. Там проводила время только прислуга [15]. Соседские дворовые сообщества возникли после прихода советской власти, но просуществовали лишь до 60-х гг. – затем дворовая жизнь была намеренно уничтожена властями.

Жители «городской деревни» имеют множество горизонтальных связей по всему историческому центру (рядом живут их родственники, друзья, знакомые). Они обладают общими ресурсами (включая дворовую инфраструктуру, используемую по определённым правилам). Для городских соседских сообществ характерны взаимопомощь, солидарность, общность интересов. Двор похож на большую семью, в которой все всех знают, а жизнь происходит «как на ладони». Для Тбилиси и Одессы характерна ответственность за своё сообщество (раньше это было и в Москве, Самаре), для Тбилиси – ещё и коллективная честь. Соседи одалживают друг другу деньги, покупают друг для друга продукты [16].

В 1970–2000-х гг. в Тбилиси существовали мужские квартальные сообщества (биржи), или «*coner societies*» – сообщества, представители которых регулярно взаимодействуют друг с другом в одном и том же месте публичного пространства [17]. Они скреплены не только общей территорией проживания, но и интересами, поддержкой и взаимопомощью, общей локальной идентичностью. Сейчас такие сообщества постепенно исчезают [18].

Соседские сообщества в исторических центрах больше напоминают деревенские, чем городские, для которых характерны равнодушные, поверхностные и временные отношения [19]. Соседские сообщества продолжают существовать в Тбилиси, Самаре и Одессе, но в двух последних городах они ослабевают.

– *Историческая застройка* (маркер городского) «городских деревень» сочетает малоэтажную и среднеэтажную (до 4 этажей) застройку с хозяйственными строениями и дворовое пространство. Для этой среды характерны самодельные пристройки, деревянные террасы и лестницы, ведущие на второй и третий этаж, дополнительные входы, флигели на крышах, балкончики, веранды, сени, сараи, арки, многочисленные галереи, пристроенные самими жителями. В южных городах (Одесса, Тбилиси) открытые галереи, общие для соседей по этажу, стали возникать в XIX в., когда с увеличением числа жителей началось уплотнение городской застройки, стали надстраивать вторые этажи и пристраивать новые здания, а в одном дворе жили разные семьи. В Самаре и Москве такие элементы возникли в советский период, когда появились коммунальные формы жизни в исторических дворах.

Для Петербурга не было характерно самостоятельное достраивание жителями домов из-за масштаба и типа застройки (преобладали доходные дома). Во второй половине XIX в. там тоже происходило уплотнение, деревянные дома стали заменяться каменными, повысилась их этажность – до 4–7 этажей [20]. Во дворах на месте хозяйственных построек стали появляться жилые флигели, а хозяйственные помещения переносились на первые или подвальные этажи и в середину двора. После революции хозяйственные постройки ещё сохранялись (например, дровяные сараи), но в 1940–1950-х гг. были снесены [21]. Изменения в архитектурном пространстве отражают ослабление соседских сообществ: закрываются балконы, к окнам прикрепляются металлические решетки, возводятся ограждения.

– *Образ жизни во дворах* (маркер деревенского) – характерная черта «городских деревень». Соседи собираются для общения и отдыха во дворах, на улице, рядом с домами, в Тбилиси – ещё в скверах и парках, в местных магазинчиках, парикмахерских. Во дворах устраивают танцы, отмечают праздники, встречаются вечерами. Тбилисские дворы называют «итальянскими» в связи с их эмоциональной и шумной жизнью [22]. Самарские, московские и петербургские дворы до советского периода в основном предназначались для хозяйственных функций, в них не было такой насыщенной дворовой жизни. Но в самарских и московских дворах разбивали сады и тоже отдыхали по вечерам.

Национализация жилья и заселение исторических центров мигрантами из деревень и малых городов привнесли в них новые практики. Двор компенсировал коммунальную

скученность квартир. Возникали сплоченные дворовые сообщества и дворовый досуг. В Петербурге они существовали до середины XX в., пока власти не стали расчищать дворы от сараев, благоустраивать их детскими площадками. Дворы стали однородными и необитаемыми.

Двор – это продолжение дома: пространство одновременно и приватное (контролируемое), и публичное [23, 24]. Жители его обустраивают, ремонтируют, достраивают, делают мастерские, палисадники, клумбы, места для сидения, беседки, столы, кладовые, места для разведения голубей или мелкой живности. Послевоенные дворы были шумными: пенсионеры играли в карты и «забивали козла», пели под гармонь, плясали «цыганочку». В теплое время жители собирались во дворе, вынося табуретки, столы, самовары. Москвичи вечерами танцевали под патефон [25, 26]. Двор является важным пространством для игр детей, которые были всегда под присмотром.

Двор – это прежде всего место коммуникации. У жителей Одессы, Тбилиси и Самары принято заводить разговор из любого места: поговорить из окна с кем-то во дворе, позвать детей, торговаться из окна с продавцом. В Тбилиси мужчины собираются на улицах, рядом с домами в специально обустроенных точках сбора. Они используют сделанные своими руками скамейки, длинные столы с навесом или беседки.

– **Идентичность** (маркер городского и деревенского) в «городских деревнях» имеет локальный характер. В Тбилиси и Одессе она связана с принадлежностью к соседскому сообществу. В московских двориках в середине XX в. идентичность обуславливалась местоположением двора («сретенский», «арбатский», «таганский»). С ослаблением сообществ идентичность тоже слабеет.

Заключение

Понятие «городской деревни» применимо к историческим центрам больших постсоветских городов, так как они имеют ряд признаков, характерных и для городских районов, исследуемых Гансом, Джекобс и Зукин. Среди них соседские сообщества, насчитывающие несколько поколений, горизонтальные связи жителей, историческая малоэтажная застройка, локальная идентичность, преемственность развития. Но социологи больше обращают внимание на поведение людей, их повседневные практики, и гораздо меньше на физическое пространство, в котором происходит взаимодействие. Джекобс описывала физическое пространство, но лишь в рамках улицы, а не внутренней структуры кварталов – дворов.

В постсоветских «городских деревнях» историческая архитектурная среда и повседневные практики её обитателей тесно связаны. Это позволяет обогатить концепт «городской деревни» анализом того, как на нее влияет историческая планировка кварталов, обеспечивающая возможность жизни во дворах. В отличие от «городских деревень» на американском континенте и в странах Азии, для постсоветских характерно социальное и этническое разнообразие. Применение этого концепта к Одессе, Тбилиси, Самаре, Москве и Петербургу даёт понимание, что «городская деревня» – это форма жизни в центре большого города, сочетающая дореволюционное архитектурное пространство и культурные практики, советский коммунальный опыт и современность.

«Городская деревня» с середины XIX в. до сегодняшнего дня сильно изменилась. В Тбилиси и Одессе «городская деревня» возникла в XIX в., а затем впитала в себя советский опыт, увеличивший её социальное разнообразие и изменивший архитектурное пространство. В этих городах она сохранилась. В хозяйственных дворах Петербурга «городская деревня» возникла после революции, но через 40-50 лет исчезла. Бывшие самарские и московские усадьбы тоже превратились в оживленные «городские деревни» с дворовой жизнью после национализации жилья, но в Москве были утрачены, а в Самаре пока сохраняются.

Как видно из опыта, при уничтожении социального разнообразия, соседских сообществ и части исторической застройки прерывается преемственность развития, среда резко меняется и «городская деревня» исчезает. Пример Петербурга показывает, что расчистка дворов от объектов, построенных жителями, превращает их из частного пространства в ничейное и тоже приводит к утрате «городской деревни» даже при сохранении исторической застройки. Ситуация в Тбилиси, Одессе и Самаре демонстрирует, что «городская деревня» продолжает существовать, если исторический центр обладает преемственностью социальной структуры (в нём живут старожилы, скрепляющие сообщество), архитектурно-планировочной среды и возможностями для поддержания соответствующего образа жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Nagendra H., Unnikrishnan H., Sen S. Villages in the City: Spatial and Temporal Heterogeneity in Rurality and Urbanity in Bangalore, India. *Land*. 2014, 3, 1–18
2. Narain V., Nischal S. The peri-urban interface in Shahpur Khurd and Karnera, India. *Environment and Urbanization*. 2007, 19, 261–273

3. *Simon D., McGregor D., Nsiah-Gyabaah K.* The changing urban-rural interface of African cities: Definitional issues and an application to Kumasi, Ghana. *Environment and Urbanization*. 2004, 16, 235–248.
4. *Gagné S.* The distinguishing features of the study of the ecology of urban landscapes. *Geography Compass* 2013, 7, 266–286.
5. *Gans H.* 1962. *The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans*. New York: Free Press. Cit. by: Sharon Zukin. 2007. "Reading The Urban Villagers as a Cultural Document: Ethnicity, Modernity, and Capital", *City & Community* 6, 39–48.
6. *Джекобс Д.* Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011.
7. *Zukin S.* 2007. "Reading The Urban Villagers as a Cultural Document: Ethnicity, Modernity, and Capital", *City & Community* 6, 39–48.
8. *Зукин Ш.* Обнажённый город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств / пер. с англ. А.Лазарева и Н.Эдельмана; под науч. ред. В.Данилова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 360 с.
9. *Wang D.* 2016. *Urban Villages in the New China. Case of Shenzhen*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 4–8
10. *Evers H., Korff R.* 2000, *Southeast Asian Urbanism: the Meaning and Power of Social Space*, ST. Martin's Press, New York. Cit. by: Wang, D. 2016. *Urban Villages in the New China. Case of Shenzhen*. New York: Palgrave Macmillan, pp. 4–8
11. *Neal P.* *Urban Villages and the Making of Communities*. New York: Spon Press, 2005.
12. *Сысоева Е.* Градостроительные предпосылки и особенности развития деревянной застройки Самары конца XIX – начала XX века // Вестник ТГАСУ. 2008. №4. С. 58–69.
13. *Richardson T.* *Kaleidoscopic Odessa: History and place in contemporary Ukraine*. Toronto: University of Toronto press, 2008.
14. *Малахов С.* Самарский двор – средовой и социокультурный феномен. Самара: Наследие под угрозой. Самара, 2009. С. 60–66.
15. *Пиир А.* Благоустройство и «образцовый быт» ленинградских дворов: диалог властей и жильцов // Антропологический форум. 2011. №15. С. 236–267.
16. *Захарова Е.* Локальная солидарность: мужские квартальные биржи города Тбилиси как часть соседских сообществ // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С. 246–289.
17. *Whyte W.* *Street Corner Society*. Chicago, 1943.
18. *Захарова Е.* Черный мацони: прагматика тбилисского уличного кодекса // Антропологический форум. 2016. № 31. С. 25–62.
19. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь / пер. с нем. М.: Strelka Press, 2018.
20. *Юхнеев Е.* Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.: Центрполиграф, 2007. 352 с.
21. *Пиир А.* Для чего нужен двор? (Возрастные сообщества ленинградских дворов) // Антропологический форум. 2006. №5. С. 345–378.
22. *Анчабадзе Ю., Волкова Н.* Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. М.: Наука, 1990. 273 с.
23. *Ретина Е., Базина А.* Феноменологические аспекты исторической среды Самары // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Самара, 2020. С. 518–523.
24. *Малахов С., Мишечкина А., Романова Д.* Поэтика городского пространства Самары. Самара, 2013. 239 с.
25. Взгляд в прошлое: счастливое измайловское детство // Окно в Москву, 23.08.2017 // http://oknovmoskvu.ru/svoya-moskva/news_post/aleksandr-berezin-izmaylovskoye-detstvo
26. *Горлов В.* Послевоенные дворы Москвы как особая московская общность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 4. С. 108–113.

REFERENCES

1. *Nagendra H., Unnikrishnan H., Sen S.* Villages in the City: Spatial and Temporal Heterogeneity in Rurality and Urbanity in Bangalore. *Land*, 2014, vol. 3, pp.1–18.
2. *Narain V., Nischal S.* The peri-urban interface in Shahpur Khurd and Karnera. *Environment and Urbanization*, 2007, vol. 19, pp. 261–273.
3. *Simon D., McGregor D., Nsiah-Gyabaah K.* The changing urban-rural interface of African cities: definitional issues and an application to Kumasi, Ghana. *Environment and Urbanization*, 2004, vol. 16, pp. 235–248.
4. *Gagné S.* The distinguishing features of the study of the ecology of urban landscapes. *Geography Compass*, 2013, vol. 7, pp. 266–286.
5. *Gans H.* *The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans*. New York, Free Press, 1962. 367 p. Cit. by: Zukin S. *Reading The Urban Villagers as a Cultural Document: Ethnicity, Modernity, and Capital*. *City & Community*, 2007, vol. 6, pp. 39–48.
6. *Jacobs J.* *Death and Life of great American cities*. USA, Vintage Books, 1961. 472 p. (Russ. ed.: Motylev L., Moscow, New publishing house, 2011. 460 p.)
7. *Zukin S.* *Reading The Urban Villagers as a Cultural Document: Ethnicity, Modernity, and Capital*, *City & Community*, 2007, vol. 6, pp. 39–48.
8. *Zukin S.* *Naked city. Death and Life of Authentic Urban Spaces*. USA, Oxford University Press, 2009. 313 p. (Russ. ed.: Lazarev A., Edelman N., Moscow, Publishing house of the Gaidar Institute, 2019. 360 p.)
9. *Wang D.* 2016. *Urban Villages in the New China. Case of Shenzhen*. New York, Palgrave Macmillan, 2016. 203 p.
10. *Evers H., Korff R.* *Southeast Asian Urbanism: the Meaning and Power of Social Space*. New York, ST. Martin's Press, 2000. 268 p. Cit. by: Wang D. *Urban Villages in the New China. Case of Shenzhen*. New York, Palgrave Macmillan, 2016. 203 p.
11. *Neal P.* *Urban Villages and the Making of Communities*. New York, Spon Press, 2005. 385 p.

12. Sysoeva E. Urban planning prerequisites and features of the development of wooden buildings in Samara at the end of the XIX - beginning of the XX century. *Vestnik TGASY* [Bulletin of TSASU], 2008, no. 4, pp. 58–69. (in Russian)
13. Richardson T. Kaleidoscopic Odessa: History and place in contemporary Ukraine. Toronto, University of Toronto press, 2008. 282 p.
14. Malakhov S. The samaran courtyard – an environmental and socio-cultural phenomenon. *Samara: nasledie podugrozoj* [Samara: endangered city on the Volga]. Samara, 2009. pp. 60–66. (in Russian)
15. Piir A. Improvement and “exemplary life” of Leningrad courtyards: a dialogue between the authorities and residents. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2011, no. 15, pp. 236–267. (in Russian)
16. Zakharova E. Local Solidarity: Men’s Quarter Bourses of Tbilisi as a Part of Neighboring Communities. *Kavkazskij gorod: potentsial etnokulturnykh svyazey v urbanisticheskoy srede* [Caucasian City: Potential of Ethnocultural Relations in an Urban Environment]. SPb, 2013. pp. 246–289. (in Russian)
17. Whyte W. Street Corner Society. Chicago, The University of Chicago Press, 1943. 398 p.
18. Zakharova E. Black matsoni: pragmatics of the Tbilisi street code. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2016, no. 31, pp. 25–62. (in Russian)
19. Simmel G. Big cities and spiritual life. Moscow, Strelka Press, 2018. 112 p.
20. Yukhneva E. *Peterburgskije dokhodnyye doma. Oчерки iz istorii byta* [Petersburg apartment buildings. Essays from the history of everyday life]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007. 352 p.
21. Piir A. What is a yard for? (Age communities of the Leningrad households). *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2006, no. 5, pp. 345–378.
22. Anchabadze Y., Volkova N. *Staryy Tbilisi. Gorod i gorozhane v XIX veke* [Old Tbilisi. City and townspeople in the 19th century]. Moscow, Nauka, 1990. 273 p.
23. Repina E., Bazina A. Phenomenological aspects of the historical environment of Samara. *Traditsii i innovatsii v stroitel'stve i arkhitekture* [Traditions and innovations in construction and energy], 2020. pp. 518–523.
24. Malakhov S., Mishechkina A., Romanova D. *Poetika gorodskogo prostranstva Samary* [Poetics of the urban upace of Samara]. Samara, SGASU, 2013. 239 p.
25. Vzglyad v proshloye: schastlivoye izmaylovskoy detstvo (A look into the past: a happy Izmailovo childhood) // Window to Moscow, 08/23/2017 // Available at: http://oknovmoskvu.ru/svoya-moskva/news_post/aleksandr-berezin-izmaylovskoye-detstvo (accessed 14 October 2020)
26. Gorlov V. Post-war courtyards of Moscow as a special Moscow community. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science], 2017, no. 4. pp. 108–113.

Об авторе:

ЛАЩЕНКО Снежана Владимировна

аспирант кафедры инновационного проектирования Самарский государственный технический университет Академия строительства и архитектуры 443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244 E-mail: snezhana.lashchenko@gmail.com

LASHCHENKO Snezhana V.

Postgraduate Student of the Innovation Design Chair Samara State Technical University Academy of Architecture and Civil Engineering 443100, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya st., 244 E-mail: snezhana.lashchenko@gmail.com

Для цитирования: Лашченко С.В. «Городская деревня» («Urban village») как форма обитания в исторических центрах больших городов // Градостроительство и архитектура. 2020. Т. 10, № 3. С. 45–51. DOI: 10.17673/Vestnik.2020.03.7.

For citation: Lashchenko S.V. «City Village» as a form of habitation in the historical centers of large cities. *Gradostroitel'stvo i arhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2020, Vol. 10, no. 3, Pp. 45–51. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2020.03.7.